

Александра Флид



Прошито насквозь.
Прага и Будапешт.
1970

Александра Флид

**Прошито насквозь.
Прага и Будапешт. 1970**

«Издательские решения»

Флид А.

Прошито насквозь. Прага и Будапешт. 1970 / А. Флид —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-744125-8

Ночные прогулки по Праге, совместные ужины прямо на кухне маленького ресторана, долгие разговоры и утренний кофе — что может быть лучше? Реальная жизнь и тяжелое прошлое ждут счастливых влюбленных, которым придется отстаивать свое право на счастье перед другими людьми. Это вторая встреча Адама и Евы.

ISBN 978-5-44-744125-8

© Флид А.
© Издательские решения

Прошито насквозь. Прага и Будапешт. 1970

Александра Флид

© Александра Флид, 2016

© Ольга Флид, фотографии, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1970. Прага

По-настоящему красивые женщины редко привлекают внимание. Для того чтобы заметить истинную красоту нужно приглядываться, наблюдать, делать выводы – прилагать усилия. Большинство людей ленивы. Им нравится брать то, что лежит на поверхности. Адам не относил себя к их числу, но при этом все равно не мог назвать себя счастливым. Некоторым вполне хватает того, что можно схватить после первого взгляда, а ему требовалось значительно больше. Может, не стоило быть таким вдумчивым? В пятьдесят лет у прочих людей уже не только дети, но еще и внуки имеются. У него не было даже жены.

Если он так умен и рассудителен, то почему же одинок? Он улыбнулся и поправил фарфур. Не время думать и раскисать.

В ресторане «Гортензия» начинался новый рабочий день, и у шеф-повара было полно дел помимо размышлений о своей холостяцкой жизни.

Как и множество других ресторанов, «Гортензия» не имела никаких «звезд», и никто даже не обсуждал этот вопрос. Здесь все было куда проще, чем в более престижных районах – рестораны различались лишь по качеству блюд, которые в них подавали. При этом сервис был вторичен, хотя официанты всегда оставались обходительными и вежливыми. Туристов в городе хватало, приходилось соблюдать какие-то рамки. Для Адама туристы существовали в лице белых кусочков бумаги, висевших на перекладине и содержавших информацию о заказах. Они менялись, появлялись вновь, убирались прочь с глаз или даже терялись в особо сложные дни, но все были на одно лицо.

Впрочем, очень редко случалось и так, что какие-то особо любознательные и эмоциональные туристы обретали настоящие лица и врезались в его память на долгие недели. Эти люди просили официанта пригласить шеф-повара, чтобы выразить благодарность, либо высказать претензии. Вне зависимости от случая Адам запоминал их надолго – или от приятных или от негативных впечатлений.

Сегодня был как раз такой день – новенькая девушка на модных здоровенных платформах подплыла к его столику и сообщила, что клиенты за седьмым столиком просят шефа.

Адам вздохнул и, не сказав ни слова, зашагал за ней. Никто и никогда не считал своим долгом сообщить ему, что именно хотят сказать ему клиенты, а потому каждый раз, выбираясь в зал ресторана, он испытывал волнение и даже страх.

– Лангоше просто на высоте! – Навстречу ему сходу поднялся мужчина с длинной челкой и такими же солидными усами. В руках он держал солнечные очки в толстой оправе, и весь его вид говорил о том, что его слова были вполне искренними. – Замечательная работа, – энергично пожимая руку Адама, улыбнулся он. – Мне все очень понравилось, да и моей супруге тоже.

Судя по акценту, приехал щедрый клиент откуда-то с юга Франции. Насколько Адам успел понять, толк в хорошей еде французы знали, а потому эту похвалу можно было расценивать как настоящий комплимент от знающего человека.

– Благодарю вас за то, что оценили мой скромный труд, я всегда рад угодить, – вежливо улыбнулся он в ответ.

– Мы здесь пробудем еще неделю, и надеюсь, что нам удастся встретиться вновь, – с надеждой сказал мужчина.

Опыт подсказывал Адаму, что больше он этого человека не увидит – уж больно много ресторанов и кафе подавали лангоше в самых разных вариациях. Если уж туристы приехали на ограниченный срок, целесообразнее посетить как можно больше заведений и попробовать как можно больше блюд.

Он кивал, стараясь не отвлекаться и внимательно слушать. Впрочем, это было довольно сложно – слева, за соседним столиком, спиной к ним сидела черноволосая женщина. Одна.

Таких вот безликих дамочек Адам повидал немало, но его внимание привлекли ее туфли, а потом и ноги. Полные, но изящные голени, тонкие лодыжки, маленькие ступни с высоким подъемом в простых черных лодочках – скромно, но со вкусом. Мягко, но лаконично. Он опустил голову, мельком бросая взгляды на ноги незнакомки. Судя по непроглядной черноте волос, ей было меньше пятидесяти, либо она просто использовала хорошую краску. Волнистые пряди струились вдоль спины, и она сидела, положив один локоть на стол – не совсем прилично. С другой стороны, ей было просто не для кого изображать светскую львицу – она ведь пришла совсем одна.

Нет, осанка не обманет – она еще довольно молода. Расправленные плечи, прямая спина, немного отставленные локти – без напряжения, естественно, легко и свободно. Лет сорок, не больше.

Почему не меньше? Нет желания нравиться окружающим. Нет модной одежды в крупную клетку, расклешенных брюк или туго завитых локонов. Ничего примечательного и модного. Она уже не в том возрасте, когда гоняются за популярностью.

Он еще раз поблагодарил душевного француза и его очаровательную супругу, а затем скрылся за дверями кухни. Вечер только начинался, работы было еще много.

Женщина пришла и на следующий день – она была в том же сером платье и в тех же лодочках. Адам смотрел на нее через стеклянные вставки в дверях, и за этим делом его поймала старшая официантка.

– Она заказала луковый суп и фисташковое пирожное на десерт. Пьет почему-то токайское. Ехала бы в Будапешт, если нравится сладкое вино, правда?

Он повернулся и встретился глазами с Аликой. Им довелось проработать бок о бок почти три года, и за это время они почти никогда не говорили о чем-то кроме работы. Он знал, что у Алики неудачный брак, который держится на постоянных разлуках – в перерывах между длительными командировками ее муж просто не успевал дойти до точки нагрева и исколотить ее до синяков, как это бывало прежде. Ему было искренне жаль ее, но он не мог давать ей советы, и коль скоро Алика решила убить свою молодую жизнь на неуравновешенного и уже нелюбимого супруга, то это было ее право. Сейчас ведь все отстаивают свои права.

– Ты о женщине за пятнадцатым столиком? – уточнил он.

– Да, о ней. Ты же на нее смотришь, верно?

– Ну, да. Она ведь не в первый раз приходит?

– Сегодня уже третий раз, как она здесь. Тихая, неразговорчивая. Приходит одна, уходит тоже одна. Хотя к ней часто подсаживаются, но надолго не задерживается никто. Тяжело поверить, что за таким милым лицом скрывается хамская душа, но скорее всего это так – иначе с чего бы мужчинам так шарахаться.

Адам улыбнулся:

– Я должен вернуться на кухню. Спасибо, что поделилась.

Женщина пришла и на третий день – он увидел, как она уходила. Темно-зеленое платье до колен, туфли древесного цвета на невысоком каблуке, волосы собраны в конский хвост. И все же это была она.

На четвертый день он уже ждал ее прихода, и, решив, что ему просто необходимо с ней познакомиться, позаботился об ее заказе особым образом. Адам не был виртуозом общения с дамами, но ему всегда хватало изобретательности. Сегодня фокусом было серебряное кольцо, наскоро снятое с мизинца и промытое под кипятком. Луковый суп украсился новым ингредиентом, но никто этого не заметил – шеф, который должен был пропускать каждую тарелку через жесткий контроль, сам стал автором этой мини-диверсии. Поднос загрузили на тележку, и он спрятал руки в карманы, не зная, чем еще себя занять в образовавшееся некстати окно между заказами. Он не дергался и не винил себя за глупость – просто стал ждать, что произойдет.

Незнакомка промолчала. Она не могла проглотить кольцо и не могла его не заметить. Разве что она передумала есть суп или попробовала всего пару ложек. А вдруг она не добралась до кольца? Только в дурацких сказках подкидывают кольца в посуду, чтобы добраться до желанного человека. Да и то, это скорее прерогатива женщин. Адам даже рассмеялся. Всего лишь черные лодочки и стройные ноги. Чего убиваться?

Алика подошла к нему через два часа.

– Та женщина ушла. Она передала записку, поскольку, не говорит по-чешски. Я сказала ей, что мы все знаем английский, но она была непреклонна. И еще она склеила края записки, как будто всем так интересно, что она там написала. Надеюсь, завтра она не придет.

Он поблагодарил ее, отметив про себя, что незнакомка не зря склеила края записки при помощи нескольких размятых рисинок, вынутых из гарнира. Достаточно изобретательно, особенно когда вокруг столько любопытных людей.

Уже в автобусе, размыкая края и стараясь не повредить их – ему это казалось очень важным – Адам со страхом подумал, что она могла бы и вернуть кольцо. Нет, внутри ничего не было, он ведь прощупывал записку весь остаток дня и точно знал, что этот импровизированный конверт пуст, но даже от мысли, что она могла пренебречь его подарком (подарком?), ему стало неприятно и даже боязно.

«Знаю, что вы наверняка понимаете английский. Я неплохо говорю по-чешски, но мне не хотелось отвлекать вас от работы. И, кроме того, что я могу сказать вам? При людях это было бы неприлично и неудобно. Хочется, чтобы вы отправили кольцо по ошибке, но, очевидно, вы сделали это намеренно. Я оставлю его себе. Скорее всего, вы больше меня не увидите.

Я не очень вежлива с людьми, и, возможно, поступаю просто некрасиво, но сейчас так будет лучше. Спасибо вам. Я заметила, что вы хороший человек еще в прошлый раз, когда супруги, приехавшие с юга Франции, выражали вам свою благодарность. Не губите на меня свою жизнь».

Записка ничем не пахла, а чернила были обыкновенными синими. Никаких признаков. Адам подумал о том, что эта женщина действительно держала контроль полностью в своих руках – только от ее прихотей зависело, увидит он ее еще раз или нет. И теперь чаша весов клонилась в сторону отрицательного ответа.

Нет, никогда больше он ее не увидит.

А что, в сущности, он терял? Ничего. Он не знал ее, он даже не успел как следует взглянуть ее лицо. Да, большие черные глаза с длинными ресницами. Да, розовые губы, которых явно не касалась помада. Да, ровный, чуть вздернутый нос. Не самая красивая женщина, из тех, кто ему доводилось видеть, но и не уродливая. Средняя по всем показателям, если оценивать холодно и трезво, только загвоздка таилась в том, что ни о какой трезвости речи не было.

«Не губите на меня свою жизнь».

Можно подумать, что она сбежавшая из тюрьмы рецидивистка или опустившаяся женщина.

Адам знал многих «непристойных» женщин, поскольку связывался с ними по мере необходимости. Среди них были весьма достойные люди, с которыми ему удалось сохранить дружеские отношения. Они умели слушать и держать язык за зубами. И они никогда не давали советов, а значит, совершали гораздо меньше ошибок, чем все его остальные знакомые.

Но эта женщина...

На следующий день он решил, что должен обязательно попытаться найти ее. Это было непросто, поскольку он вообще никогда ничем подобным не занимался. Хуже было еще и от того, что время было строго ограничено – большинство туристов приезжали на пару недель, а незнакомка была в этом ресторане уже трижды, и кто знает, где еще она успела побывать до этого. Адам думал о ней целыми днями, узнавал, из каких районов чаще всего приходят клиенты, и следил за залом. Лишь одна Алика знала, отчего он вдруг так переполошился, но стоило отдать ей должное – она никому ничего не сказала.

Только через неделю утром она прошла мимо него и мельком провела ладонью по его плечу, обращая на себя его внимание. Адам послушно проследовал за ней в зал, надеясь увидеть черноволосую женщину в сером платье. Да вообще, в каком угодно платье и пусть даже с перекрашенными волосами. Все равно, только бы это была она.

– Эта дама живет на верхнем этаже дома, в котором мы работаем, – сообщила Алика. – И я бы не была так щедра, если бы не думала, что тебе уже давно пора обзавестись подругой.

Адам так и застыл на месте.

– Откуда ты это знаешь?

– Она пьет кофе в кафе через дорогу. Вон там, – она указала за окно. – Каждое утро, очень дисциплинированно. Она действительно приезжая, но не туристка. Туристы ходят, где попало или следуют гуськом за экскурсоводом, а она ведет себя так, словно живет здесь и даже где-то работает. У нее режим. И она знает о тебе достаточно, чтобы понять, что ты не сможешь найти ее, даже при условии, что живет она здесь же.

– Спасибо, – глядя, как замороженный, на двери указанного кафе, поблагодарил ее он.

Вечером он последним вышел из кухни и остался во дворе, глядя на ровные ряды красивых окон, обрамленных резными и лепными завитками. Кирпичная кладка под слоем фасадной отделки, толстые деревянные рамы – все казалось необычным, хотя все то же самое он видел последние несколько лет, с тех пор как устроился сюда на работу.

Перед домом была небольшая беседка, где он и обосновался, желая догадаться, за каким из окон проводит вечер таинственная женщина с его серебряным кольцом. Конечно, за один раз угадать не удалось.

Целую неделю, не теряя ни дня, он просиживал часами в пустой беседке, понимая, что, скорее всего, ее окна не относились к тем, что были освещены электрическими лампочками. Она была из тех, кого называли добропорядочными женщинами, а таким полагалось укладываться в постель до полуночи. Ресторан закрывался во втором часу ночи – так уж получалось. Рабочее утро у них начиналось после десяти часов, и неудивительно, что незнакомка без страха завтракала в кафе напротив – все равно двери ресторана были закрытыми, и снаружи он казался еще спящим.

За семь дней ночные бдения у дома вошли в привычку. В другое время, осознав тщетность всех попыток, он бросил бы свои ожидания и занялся чем-то другим, но ему странным образом нравилось приходить во двор и сидеть в темноте. Он даже стал нарочно брать с собой теплую одежду, спасаясь от ночного холода. Один раз во время его стражи пошел дождь, и он возблагодарил неизвестных строителей за прочную крышу, возведенную над беседкой.

Адам пришел сюда в восьмой раз, почти не задумываясь о том, что его старания остаются безрезультатными. Она была где-то здесь. Та, что не давала ему покоя.

К его удивлению, беседка была уже занята – какая-то неясная фигура сидела на скамейке. Было довольно темно, и света из соседних окон не хватало, чтобы разглядеть сидящего человека внимательнее, но красивая осанка говорила сама за себя.

В такую удачу было трудно поверить, и Адам остановился поодаль, не решаясь подойти ближе. Конечно, он думал, что в какую-нибудь ночь наткнется здесь на целующуюся парочку или компанию молодых людей, страдающих коллективной бессонницей. Однако беседка стояла посреди двора, на той стороне, где было много окон, и это спасало его от нежелательного соседства. В конце концов, он пришел к выводу, что выйти и усесться на скамейку посреди ночи может только человек, преследующий какую-то цель. Человек вроде него.

– Что же вы встали? Подойдите-ка поближе, – мягкий голос разлился теплыми волнами в сыроватом воздухе. – Вы ведь так хотели поговорить со мной. Я умею ценить такие поступки.

Адам подошел к ней и осторожно опустился на другой край скамьи.

– Я не хотел вас тревожить. Не думал, что вы заметите.

– Да уж как не заметить. – В ее голосе зазвучала улыбка. – Обычно я смотрю в окно, которое выходит на другую сторону – туда, где проходит дорога. Люблю смотреть на свет автомобильных фар. Смена огоньков, отблески на асфальте. В дождь даже капли начинают блестеть и прорисовываться четче. Красиво. Но два дня назад я пропустила это зрелище – смотрела в окно на этой стороне. И вообще, целую неделю смотрю только сюда. Все вы.

Значит, она не спит допоздна.

– Чего вам надо?

Он честно ответил:

– Я сам еще этого не знаю. Просто приглянулись ваши ноги.

– Я слишком стара для таких разговоров. Мне сорок два.

– А мне пятьдесят, и что?

Она повернулась к нему. В желтом свете многоглазого дома черты ее лица казались размытыми и нереальными, но Адам понял, что отныне будет видеть ее по ночам или даже во время работы.

– Мы не так уж стары, правда? – она улыбнулась. – Но и не молоды. Хороший возраст. Только вот начинать что-то заново уже поздно, а заканчивать еще не время. И что делать, если вдруг лишился всего? Я пока что еще не решила. Плаваю в мутной воде, да и только. Вряд ли от меня будет толк, так что простите – лучше вам перестать за мной ходить.

Он потянулся к карману за сигаретой и выудил наполовину опустошенную пачку.

– А какой толк мне от вас нужен? – спросил он. – Любопытно, что вы под этим подразумеваете. Простите, что так прямо, так ведь и вы тоже не юлите, а говорите все как есть.

Она улыбнулась – не открыто, а как-то стянуто и грустно.

– Мало ли. Ни для тела, ни для души я ничего отдать не могу. Но, тем не менее, я думаю, что раз уж вы не уходите, нам стоит подняться ко мне домой. Я тут сняла квартиру на полгода – недорого и надежно.

Полгода. Интересно, сколько недель прошло с тех пор, как она переехала в эту квартиру? И куда (в какую страну, в какой город?) она собирается вернуться после того, как пройдут эти месяцы?

Подъезд с широкими лестничными площадками, красивыми лестницами и высокими потолками был безнадежно испорчен мелким мусором и старыми надписями, которые никто не собирался стирать. В тусклом электрическом свете они казались аляпистыми и бесформенными, их контуры сливались и наползали друг на друга. В своем черном пальто и уже знакомых туфлях древесного цвета женщина казалась здесь существом из иного мира. Она поднималась очень тихо – при каждом шаге ее каблуки оставались навесу, она наступала лишь на носочки, и поэтому двигалась почти бесшумно. Адам наблюдал за равномерными движениями ее ног, и ему было страшно, что она не сможет удержаться, если вдруг наступит самым кончиком

носки и соскользнет вниз. Разумеется, для такого случая здесь был он – сегодня он подстраховывал ее и не позволил бы ей скатиться вниз по лестнице. Но что если она упадет в другой день, когда будет одна?

Они поднялись на третий этаж, и она вынула ключи из кармана.

Квартира состояла из двух просторных комнат, совмещенного санузла и балкона. Кухни не было, но этот вопрос был решен при помощи дачной плитки на две конфорки, размещенной у окна.

Она скинула пальто на одно из кресел и осталась в темно-синем клетчатом платье.

– Вы у меня дома, и имеете право знать, как меня зовут, – улыбнулась она, подхватывая со стола турку и скрываясь за дверью ванной. Уже оттуда она сообщила: – Меня зовут Ева. И учитывая, что ваше имя Адам, мы не самая лучшая пара. От нашего знакомства никакого добра уж точно ждать не стоит.

– Формальности, религиозность, суеверия. Вы не походите на женщину, которую могут остановить пустые предрассудки и совпадения.

Она вернулась, оставив свет зажженным, а дверь приоткрытой – через зазор между краем двери и косяком можно было разглядеть белое полотенце, висевшее на крючке у порога.

– Идите мыть руки, – сказала она, возвращаясь к плите.

Когда он выполнил ее инструкции и прошел в комнату, обнаружил, что свет погас. Желая понять, не отключили ли электричество, он оглянулся и понял, что в ванной свет все еще горел.

– Лампа перегорела? – спросил он.

Ева, которая стояла у балконного окна и смотрела вниз, повернулась к нему и покачала головой:

– Будем пить кофе. Я люблю делать это в темноте. – Она подтолкнула коленом стоявший рядом стул: – Идите сюда, присаживайтесь. Вы любите с сахаром?

Адам прошел через комнату, вышел на балкон, уселся на указанное место и вздохнул:

– Не поздновато пить кофе? Тонизирующий напиток как-никак.

– А вы собираетесь спать? – удивилась она. – Я постелю вам в зале, все в порядке. Просто хочу постоять здесь, полюбоваться дорогой. Вы теперь в безопасности и в тепле, так что я могу расслабиться. Ваши бессменные бдения во дворе не позволяли мне наслаждаться жизнью в полной мере. А я приехала сюда получать удовольствие от жизни, или, по крайней мере, чтобы научиться это делать.

– Нет, спать я не собираюсь, мне хотелось бы побыть с вами.

Ева вручила ему чашку:

– Если нужен сахар, добавьте сами.

Она поставила на узкий подоконник сахарницу с ложкой.

– Я, пожалуй, воздержусь.

– Правильно.

Если это значило получать удовольствие от жизни, то Адам ничего в этом не понимал. Кофе был вкусным, дорога внизу светилась желтоватыми огоньками проезжавших автомобилей, а воцарившаяся в квартире темнота поглощала звуки и создавала иллюзию полной изоляции от внешнего мира, за которым можно было сколько угодно наблюдать через тонкое стекло. Его разум понимал и фиксировал все эти детали, но он не мог почувствовать всей прелести тихого вечера, потому что был слишком занят ее присутствием.

Все было идеально, но он не мог сосредоточиться ни на чем кроме аромата ее духов. Вероятно, она воспользовалась ими еще утром. В течение дня основные компоненты выветрились и потеряли свою яркость, но оставшийся отголосок был приятным и нежным, как раз таким, каким он и представлял его, думая о ней все эти дни.

Пить кофе в темноте и смотреть на дорогу. Интересное занятие для одинокой женщины с привлекательной внешностью и приятным голосом. У нее была куча разных перспектив,

но она не собиралась открывать их – ей было достаточно утонуть в обычных ощущениях, поверив всю их глубину и терпкость. Она старалась поймать и почувствовать то, что ускользало за повседневностью и рутинной. Все то, что люди делают автоматически, Ева пыталась совершать осознанно и получать от этого удовольствие. Ей были необходимы впечатления, но она не могла себе их позволить в классическом смысле – отправиться навстречу приключениям, завести новые отношения, попробовать наркотики или освоить новый вид спорта. По каким-то причинам она замкнулась в этой квартирке, создав для себя зону комфорта и безопасности.

Кофе закончился. Они постояли еще примерно полчаса, а потом она вздрогнула, словно вспомнив что-то важное.

– Вы не возражаете, если я уложу вас на диване? Просто мы еще не настолько знакомы, чтобы ночевать в одной кровати.

– Нет, я не возражаю.

Она кивнула и двинулась к гостиной. Переступила через довольно высокий порог, прошла к шкафу, вынула постельное белье и застелила сложенный диван, сменила подушки и разровняла одеяло поверх белой простыни. И все это в полумраке. Вероятно, она часто ходила по темной квартире, не зажигая свет.

– Можете лечь спать прямо сейчас, а можете сходить в душ – там под зеркалом стоит тумбочка, в которой я храню полотенца. И еще у меня есть мужская пижама.

Хотелось спросить, откуда у нее мужская пижама и с чего вдруг такая щедрость, но Адам удержался. Достаточно было того, что она впустила его в свой дом. Объяснения были уже непозволительной вольностью.

– В душ я мог бы сходить после вас, – пожал плечами он.

Ему не хотелось, чтобы она вставала в уже мокрую и хранящую чужие следы ванну, касалась своей кожей оставшейся после него воды и возможно, ощущала оставленные им запахи.

– Я не люблю, когда меня ждут, – сказала она.

– Я привык ждать. И к тому же, я бы не хотел вас задерживать. Уже поздно.

Удержавшись от дальнейших возражений, Ева проскользнула в ванную и закрыла за собой дверь на щеколду.

Адам уселся на пол – прямо на ковер. Почему-то ему не хотелось касаться свежих простыней до того, как он сходит в душ и смое с себя кухонный дым и запах разогретого масла. Он прислонился спиной к одному из кресел и стал слушать звуки воды, доносившиеся из-за двери. Это волновало почти так же, как и шлейф духов – глухой звук пробирался под кожу и пробуждал такие нервные окончания, о существовании которых Адам и не догадывался. Он решил, что мог бы слушать этот звук бесконечно, но Ева придерживалась иных планов – она быстро завершила все свои водные процедуры и вышла из ванной. На ней была мужская пижама – ответ на вопрос. Она носила только мужские пижамы и собиралась дать ему одну из своих.

– Ваша очередь, – напомнила ему она, заметив его неподвижность.

– Спасибо, – поблагодарил ее он, поднимаясь с пола.

Всего одна зубная щетка в идеально чистом стеклянном стакане. Зеркало без пятен и следов высохших капель. Бледно-голубой кафель в мелкой росе брызг, оставшихся после душа. И сладко пахнущий пар. Натренированным обонянием Адам быстро определил источник аромата – мокрое мыло в особой мыльнице пахло иначе, чем то, что лежало в основной. Он открыл воду, чтобы смыть оставшиеся в ванне капли и не думать о том, что соприкасается с водой, стекавшей по ее телу. Если думать об этом, можно совсем увлечься и натворить дел, за которые потом будет стыдно.

Утром он проснулся в замершей тишине, за которой скрывалось присутствие другого человека. С ним такого не случалось уже много лет, с тех самых пор, как он страдал от недостатка личного пространства и избытка чужих тел. Тогда другие люди теснили его со всех

сторон, не оставляя ни на минуту. Это было страшное время, когда каждый из них был бы рад остаться наедине с собой, но никто не мог себе этого позволить. И в то же время все они были страшно одиноки.

Прошло уже двадцать пять лет – ровно половина его жизни. Каждое утро этих двадцати пяти лет он просыпался один, не замечая, как это защищенное личное пространство, которое он так оберегал от других людей, стало давить на него. Он устал от своей отстраненности и от того, что рядом никогда нет другого человека, но в то же время не мог подпустить к себе кого-то достаточно близко, чтобы разделить с ним утреннюю тишину.

Ева ворвалась в его утро нечаянно. В конце концов, он ведь и сам напрашивался на эту встречу. Только вот, отправляясь вчера в ее двор, Адам и думать не смел, что на следующий день проснется в ее гостиной.

Шорох у изголовья сообщил ему, что хозяйка квартиры уже проснулась.

– Почему так рано? – стоя над ним в уже знакомой пижаме и глядя сверху вниз своими карими глазами, поинтересовалась она. – Мог бы еще поспать. Тебе удалось хотя бы отдохнуть?

Он поднялся и повернулся к ней – ее изображение описало невидимую дугу и перевернулось в нормальное состояние. Распущенные волосы, расстегнутая пуговица под воротником, отсутствие макияжа и слабый запах туалетного мыла – того самого, что лежало в отдельной мыльнице.

– Да, я прекрасно провел ночь. Спасибо тебе.

Она улыбнулась – на ее щеках показались ямочки.

– Почему-то мне кажется, что такие слова принято говорить при других обстоятельствах. Но тебе виднее. В любом случае, обычно я не такая похабная, так что ты не думай, будто я всегда занята только пошлостями. Просто вырвалось.

– Я и не думал, – он улыбнулся в ответ и провел рукой по волосам. – Я не хотел доставлять тебе неудобства, прости меня, пожалуйста.

– Какие неудобства? Мне удобно, – сказала она.

Ева подошла к креслу, взяла подушку и уселась, прижав ее к себе и подтянув наверх ноги.

– Еще очень рано – семь часов. Подождешь с завтраком? Во сколько ты завтракаешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.